

8 января Галине Сергеевне Улановой исполнилось бы 90 лет

Слово о нашей великой современнице

Владимир ВАСИЛЬЕВ

Галина Сергеевна Уланова относится к тем редким личностям, которые на людях держатся скромно и незаметно, но тем ярче и сильнее оказывается влияние их таланта на окружающих.

Уланова — совесть и достоинство не только Большого театра, которую она служила более полувека. Уланова — образ собирательный, уникальный, образ русской балерины, может быть, самой лиричной и вместе с тем трагической актрисы XX века.

Имя ее неразрывно от понятия Большой Балет. Современники творчества Улановой до конца своих дней сохранят память об удивительной актрисе и танцовщице золотого периода Большого театра.

Большой театр. — 2000. — 13 янв. (нч.)

Нина СЕМИЗОРОВА

Судьба распорядилась таким образом, что потерю Галины Сергеевны я оплакивала далеко от дома, на гастролях с театром в Египте. Известие об ее уходе из жизни вызвало у меня чувство трагического одиночества. Я поняла, что в моей жизни возникло огромное пустое пространство, заполнить которое вряд ли удастся.

Большую часть своей жизни я провела с Галиной Сергеевной. Завоевав в 1977 году золотую медаль на международном балетном конкурсе в Москве, я неожиданно для себя получила приглашение от Улановой перейти в труппу Большого театра. Состоялся недолгий разговор, когда Галина Сергеевна передала мне это приглашение и сказала, что она ничего, кроме совместной работы, не обещает и обещать не может. «Будем работать», — сказала она.

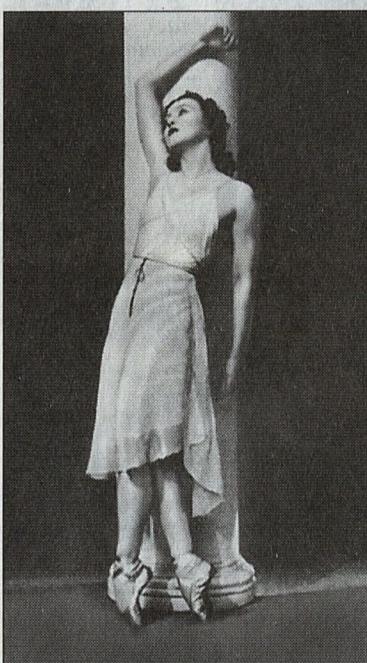
В первые два года в театре у меня было очень мало работы, но я постоянно чувствовала на себе глаза Галины Сергеевны, ее участие в моей жизни даже вне театра. А дальше — работа, роли, работа, роли.

Я хочу остановиться на своей самой трудной и самой почетной для меня работе — роли леди Макбет в балете К. Молчанова — В. Васильева «Макбет». Почетной по причине того факта, что меня, молодую танцовщицу-дебютантку труппы, назначили в премьерные спектакли нового балета, а трудную по причине того, что эту роль я должна была с нуля создавать с великой Улановой. Это была очень трудная и беспощадная по отношению ко мне работа. В ее процессе я сформулировала для себя некую творческую, почти физическую, величину, которую мне предстояло преодолеть в профессии, чтобы приблизиться к глубине требований Улановой. Сейчас я очень хотела бы повторить работу с Галиной Сергеевной именно над этой ролью, но уже на основе накопленного мною опыта.

Во взаимоотношениях с людьми Галина Сергеевна была крайне ответственна, никогда не позволяла смеяться в одну кучу разные понятия. Работа — это святое, смеху и шутке — свое место, быту — свое. Она никогда не позволяла себе в наших отношениях опуститься на уровень панибратства, ничем не унижала, всегда была крайне внимательна, даже в периоды своего плохого настроения.

Когда я получила квартиру, жил у меня очаровательный рыжий щенок, которого я подобрала в подъезде. Но я тогда жила одна и все свое время проводила в театре. Щенок скучал, и я решила брать его на репетиции. Все стали его нянчить, щенок был счастлив. Один артист балета стал его у меня выращивать, но я ему отказалась. Галина Сергеевна, играя с щенком, развлечилась и посировела. Отозвав меня в сторону, она строго выговорила мне, что к животным нужно относиться ответственно, думать об их будущем, не обрекать на одиночество. После репетиции я отдала коллеге щенка, который вырос у него в красивую собаку Барму.

Я всегда была достаточно открыта с Галиной Сергеевной, и она, в свою очередь, была открыта со мной. Я знала, что она

Мария в «Бахчисарайском фонтане».

мне верит, и старалась ничем не обмануть ее доверия. Мы всей семьей старались как-то помочь ей, но это было очень трудно — Галина Сергеевна была крайне щепетильна.

В начальный период нашей работы все ведущие балерины театра, за редким исключением, репетировали с Улановой. Но постепенно по разным причинам уходили ученики (некоторые перестали танцевать), и настало время, когда я осталась у нее единственной ученицей. Наше общение стало более тесным и душевным, она внутренне очень раскрепостилась, стала рассказывать о массе неизвестных деталей своей жизни и несоставившихся творческих планах. В этот период она отвергла несколько предложений о написании мемуаров. Галина Сергеевна очень хотела написать книгу о своем опыте профессионального развития тела, о ежедневном постоянном тренаже, который она практиковала до последних лет своей жизни, искала журналиста, которому могла бы надиктовать книгу, просила сделать видеозапись ее занятий. Но это так и осталось неосуществленным.

Высшим и счастливым доказательством ее доброго и искреннего отношения ко мне и моей семье, ее бесценным подарком явилось согласие стать крестной матерью моей дочери Ани. Галина Сергеевна согласилась сразу и с радостью, сказав, что делает это первый раз в жизни. Каждый год в день рождения Ани она приезжала к нам в гости, очень просто и мило общалась с гостями — детьми и взрослыми, аппетитно кушала, особенно овощные салаты, часто приготовленные мною и мамой специально для нее.

Мы с моим мужем, Марком Петеркиным, которому Галина Сергеевна очень много профессионально помогала, в знак большой любви к ней, благодарности за все сделанное для нас, глубокого преклонения перед величием ее личности и таланта, светлой памяти о ней, — сделаем все от нас зависящее, чтобы воспитать дочь достойным человеком, который будет соответствовать пожеланиям своей великой крестной матери.

Елена БРУСКОВА

Одетта-Одиллия... Аврора... Мария... Жизель... Джульетта... Золушка. Любая роль становилась предметом исследования критиков и восторга поклонников. И для того времени, когда кумиры создавались не мельканием в телевизоре, у Улановой была оглушительная, всемирная, подлинная слава. А она все в своей жизни объясняла слuchаем, совпадением. И самое главное — бесконечным трудом.

Когда-то Галина Сергеевна сказала Альберту Кану, американскому писателю и фотомастеру, создавшему книгу «Дни с Улановой» и лучшую фотолетопись об Улановой: «Я сильнее, чем вы думаете». А он потом записал: «Я ушел от Улановой с уверенностью, что встретил женщину настолько же необыкновенную, насколько она казалась обыкновенной».

В хрупкой, казавшейся на сцене неземной женщине угадывалась не только, как писал в письме к ней Борис Пастернак, «верная себе чистота», но необыкновенная, действительно тайная сила ее, вырастающая в силу сопротивления, в «угрожающую противоположность».

О тайне, о загадочности, о непостижимости явления Улановой-балерины писали и говорили много. И иногда за границей, если не лучше, то неожиданнее, чем у нас: «Если где-нибудь в космосе есть цивилизация выше нашей, Уланова была бы лучшим посланцем нашей планеты», — писала в свое время одна из американских газет.

Галина Сергеевна оставалась столь же загадочной и в другой своей жизни, когда она ушла со сцены и стала педагогом-репетитором. Феномен Улановой-балерины был в том, что ее сценическая чистота, естественность, предельная искренность не были сыграны. Это была ее сущность. Так же, как и полное отсутствие тщеславия и удивительная скромность. Галина Сергеевна была необыкновенно искренним человеком, она могла промолчать и не сказать того, что думает, но никогда и никому не говорила того, чего не думает, не чувствует.

В ее доме никогда не велись разговоры — обсуждения чужих жизней, чужих семейных событий. Галина Сергеевна охотно говорила о талантливости тех, кто ей нравился на сцене, и никогда — о неталантливости.

Уланова всю жизнь боялась публичности, чужого любопытства, чужих глаз. Сама Галина Сергеевна была человеком бесконечного такта, деликатности и ранимости. Иногда казалось: у нее нет кожи, защитного покрова. Она искренне считала, что ни в ней, ни в ее жизни ничего сверхъестественного не было. Из-за этого и книга ее, о которой она последнее время думала, ни надиктована, ни написана не была. Каждый раз, когда казалось, что можно приступить к работе, начинались сомнения вокруг одного и того же: «Это не интересно... кому это нужно?»

Она отказывалась от всех интервью. Решительно и иногда

Большой театр. — 2000. — 13 янв. (нч.)

Жизель.

не очень близкую ей новую редакцию «Лебединого озера» Владимира Васильева. «На моем веку было много всяких редакций этого спектакля. Почему всем можно, а Володе нельзя?»

Всегда с радостью откликалась на любое предложение молодых поработать с ними — в Москве ли, в Петербурге. С большим интересом репетировала (и потом об этом рассказывала) с Николаем Цискаридзе. Одной из самых больших радостей последних лет было знакомство с молодыми балеринами Марининского театра. «Мы бы так не станцевали». Она находила для них особые слова: «В танце — облачность, беззаботность и мягкость».

От последнего своего юбилея в Большом театре Галина Сергеевна отказалась, сказав, что это не круглая дата. А потом: «Хватит, сколько можно сидеть в ложе на виду у всего театра?» — в обычные дни на спектаклях она сидела в уголке, не видная залу. Но в театр 8 января собирались. Накануне же дня рождения решила: «Не пойду я на «Лебединое». Хотя и надо бы — новая постановка. Но я знаю Володю. Он выйдет и скажет: «У Улановой день рождения». А я прячусь от этого».

В последний день рождения Галины Сергеевны, который она провела дома, я дежурила у телефона и у двери — то и дело приносили телеграммы и цветы. Галина Сергеевна не очень хорошо себя чувствовала, лежала, читала своего любимого Тургенева, подходила к телефону редко.

Звонков было пятьдесят шесть. Поздравляли не только из России — из Праги, Дюссельдорфа, Токио, Парижа, Вашингтона, Стокгольма. Растрогал ее звонок от участкового милиционера. «Какой милый», — сказала Галина Сергеевна. «Вы его знаете?» «Нет. Но все равно милый».

Телеграммы с красной полосой — правительственные — вызывали удивление. «Откуда они все знают, что у меня день рождения?» Самый большой и красивый букет прислали от Бориса Николаевича Ельцина. Галина Сергеевна отнеслась к нему сдержанно и старомодно вежливо: «Надо бы поблагодарить, но мы не знакомы». Удивилась телеграмме от знакомого и уважаемого ею человека, подписанной всеми его титулами и постами: «Зачем это ему? Не понимаю...»

Остались визитки Галины Сергеевны, к которым она так и не привыкла. На них написано два слова: «Галина Уланова». И — телефон.

С М. Габовичем в «Ромео и Джульетте».

свой язык!» Посмотрела случайно по телевизору кусочек каких-то политических дебатов и обронила: «Общество рассыпано, как песок». Послушала по радио пять минут выступление одного из политических деятелей: «Это неприлично так говорить о президента. Это какая-то новая нация!» Пришла из театра расстроенная. «Я видела из ложи: сидят и жуют жвачку. Как это можно — классический балет, а они жуют...» Увидела клип: «А это что такое? Это как раньше — четвертушку хлеба разрезали на 4—5 частей. Зачем это? Конечно, я понимаю: сейчас времена скоростей. Понимаю, но не принимаю».

И вместе с тем защищала право молодых на свое видение мира, на эксперимент, на свое понимание искусства. С интересом следила за петербургским хореографом Борисом Эйфманом, защищала от нападок

90 лет со дня рождения Галины Сергеевны Улановой Большой театр отметил показом 8 января балета С. Прокофьева — Л. Лавровского «Ромео и Джульетта». В партии Джульетты выступила Надежда Грачева, подготовившая с Галиной Сергеевной многие свои роли.

В этот же день в экспозиционном и хоровом залах открылась подготовленная музей театра выставка «Музей русского балета». В экспозиции представлены фотографии, графика, театральные костюмы Г. С. Улановой.

Уланова Галина Сергеевна

13.1.2000.